DOM

ПРИЗРАЧНАЯ ВЕЧНОСТЬ МАЛЬЧИКА

DOM

Призрачная вечность мальчика

«Издательские решения»

DOM

Призрачная вечность мальчика / DOM — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904076-3

Бывало ли у вас ощущение, словно вы потерялись во времени… или время, время потерялось в вас? Это же ощущение неизменно сопровождает и юного героя с симптомами амнезии.Вскоре умирает его единственный родной человек, и нечто стремится разрушить его иллюзию существования, целенаправленно повергая в неопределённость…Книга хорошо подойдёт тем, кто любит поразмышлять в уединении; отвлечься от суматохи будней.Повествование будет вестись от лица главного героя — двенадцатилетнего Йозефа…

ISBN 978-5-44-904076-3

© DOM
© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Погасшая звезда 6
Глава 2: В Школу? 9
Глава 3: «Нечто» 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Призрачная вечность мальчика

DOM

Призрачная Вечность Мальчика

© DOM, 2018

ISBN 978-5-4490-4076-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Опасность затаилась в сильном воображении вольного духа…

Опасность затаилась в сильном воображении вольного духа…

«Он парил над Землёй, между омывающим и подталкивающим его ветром, который не знал границ своей Щедрости, одарив и его – как сына своего – своей прохладной Проникновенностью. Он имел немыслимую Свободу, никем не веданную, которая простиралась своей Необъятностью. В таком подвешенном состоянии он пребывал, казалось бы, неопределённое количество – если исчислимо – времени. Прострационно-бесформенное отождествление своего тела. Он был сплошной весточкой удивительного опыта своей прошлой жизни, из которой в памяти остался довольно продолжительный, но неожиданный „конец“ – с которого все началось…»

Глава 1: Погасшая звезда

Все овеяно головокружительными мечтаниями летнего утра, зовущими, – «*Мальчик, очнись!*» Вот оно яркое солнце; нежнейшее лучистое небо; поющая зелень деревьев!

Мне 12 лет и моя жизнь ограничена скрытым домиком, окружённым полесьем. Пробраться к дому стоит немалых усилий: нужно пройти не один ряд деревьев, то дело цепляющихся ветвями. А также у меня нередки случаи потери памяти, даже относительно собственного имени; любое имя я могу принять за своё, – но зачастую меня называют просто – мальчик. Наше с бабушкой существование, нельзя описать точнее, чем скромное; её пенсия едва тянет на «жизнь» одного. В самом доме мне страшно тоскливо и грустно одному, – он большой и пустующий; любой шаг сопровождается скрипом старых, рыхлых половиц, провисающих под тяжестью всего, что тяжелее мыши. А когда, прокаляемая солнечными лучами, пыль в квартире, даёт стойкий эффект запаха старого высушенного дерева, я до заката не имею другого занятия, кроме чихания.

В школу теперь я совершенно перестал ходить, из-за недоверчивого отношения к одноклассникам и частого недостатка средств. От вынужденного одиночества я сделался хладнодушным, что в особенности нашло своё жестокое проявление на беззащитных птицах. Так часто, – что и не вспомнить, – я, чтобы ощутить своё превосходство, ловил и медленно их замучивал, – от воробьёв до голубей, так и льнувшим к моим, «кормящим» их, рукам. Мне всегда не нравилась их вольность летать, куда вздумается, отрываясь от земного притяжения. Я мог днями просиживать у панорамного окна зала, подстерегая их появления. *А ведь я так хотел находиться среди них…*

Помню, осень была, тихая только с виду. Я возвращался домой по своему родному тёмному переулку, холодно обезнадёженному приближавшейся зимой, – который выводил на тропку к полесью. Свет в домах лишь изредка проглядывался вдалеке рядов. Чувствовалось безмятежное спокойствие, которое послужило подоплёкой внутреннему предчувствию. Как только я открыл входную дверь дома, меня охватило холодное веяние сквозняка. Тусклый свет лился по ступенькам со второго этажа. Воздух мне показался спёртым и сухим; тогда я, затаив дыхание, прочувствовал своё сердце, объятое страхом, ускоренно заколотившееся. В одночасье с этим, у меня вновь объявилось предчувствие, сопровождавшее меня дорогой домой. Мне показалось странным, что бабушка впервые не вышла меня встретить, притом что всегда была осведомлена о времени моего прихода (которое мы заранее оговариваем). Когда я поднялся наверх… я увидел открытую в её комнату, дверь… и бабушку, слегка покачивающуюся на подвешенной к потолку, верёвке. Я закричал, в надежде, что вдруг она меня услышит… ещё хоть раз. Но она молчала… Слово, нашедшее отклик в моем сердце в тот момент – «навсегда»; я без запинок выбежал на веранду.

В наступающем безмолвии ночи, я опустошал в себе веру. Так окончилось моё детство. Не осталось последней ласковой руки, любившей и верившей в меня. Остановившись на крыльце дома и осознав всю утрату и злополучность своего существа, я бесцельно побрёл среди одиноких фонарей с тускло-жёлтым свечением. По дороге я искусал до крови свои потрескавшиеся губы, которые теперь подёргивались на холоде. В меня вдруг вселилось равнодушие. Первый неуверенный снег слетал с мутно-розового ночного неба; но для меня все потеряло смысл… К чему идёт этот первый снег? для меня олицетворяющий начало чего-то? Теперь ещё на небосводе блеснула красным светом падающая звезда. Это сразу я воспринял знаком: «Звезда упала как „ушла“ бабушка и я остался один».

Мои ноги и именно они (я не особо отслеживал своё направление), подвели меня к одноэтажному домику, – который показался довольно знакомым, точно из памяти прошлой жизни, – где гостеприимно горел свет. В огороде стояла женщина (хоть и стоял поздний вечер),

глядевшая прямо на меня, а я на неё, – сложилось впечатление, что именно меня она и дожидалась; затем она мне помахала (я в тот момент мало размышлял о том, что это достаточно странно), – она была единственным человеком, встретившимся мне на пути и поэтому я, поддавшись такому стечению случая, решился к ней подойти. Я подступался крайне нелепо и нерешительно, все время сверяясь с её лицом, в котором все ещё читалось одобрение. Когда же она разузнала причину моего позднего визита, то безоговорочно оставила у себя. После такого известия, горько-очертившего дом, тётушка Коралина не отставала от меня ни шагом позже; даже когда я намерился отойти в туалет, без надзора я оставлен не был, как будто она боялась, чтобы я чего-то не нашёл или не стащил…

С ласковым пониманием моей утраты, она подхватывала меня за руку и постоянно напоминала и показывала, чем да как пользоваться, – а мне всегда было приятно это отношение «простодушной радушности доброты». Когда я вышел из ванной, она уже поджидала меня у двери, блеща в тени тусклого света из зала, широко открытыми, тёмно-зелёными глазами. Затем она предложила мне пройти в мою комнату, по-мальчишески захламлённую и занавешенную тёмными синими шторами, с повторяющимися узорами белых ракет.

И вновь такой знакомый запах затхлости и пыли. В комнате, у окна, располагался стол; он хранил на себе кучу марок и старых вскрытых писем. Пыль безотказно ложилась на все верно служившие предметы мебели – слоем мягкой, пыльной руки упокоения. Время здесь будто бы остановилось. Я привыкал к шумно вибрирующему в тишине, голосу своей мысли, не тревожащему установленное здесь время. Пыль до того прониклась в мои лёгкие, что заполнила меня «духом времени запустения».

Не намеренно, это ощущение занесло меня дальше и попутной мыслью мне навеялся образ бабушки, отдавшийся тихим звоном колоколов в сердце, – которые, казалось, отбились в конечный раз, – да таким резким и пронзительным шоком, что на мгновение вся комната залилась тьмой. Не устояв на ногах, я будто бы одно мгновение падал в эту «пропасть», где звало и кричало из глубин – стадо топочущих копыт… По времени, я пришёл в себя; сердце поутихло испугом; я попятился к дверям и вышмыгнул, обожжено захлопнув её за собой; тенью пронёсся мимо зала – на кухню. Запах подгоревшего пирога вернул меня в чувства. И вот я стал в двери, слегка нелепо уставившись на тётю, которая резким испугом отреагировала на внезапность моего появления. Но мой испуг был намного сильнее её.. Я плавно сполз на стул, скользнув спиной по стенке. Как ни странно, но она взглянула на меня со слезами на глазах. Отчего бы? Но в любом случае на какое-то время я позабыл о своём страхе. Затем она прикрыла рот дрожащей рукой. Выждав с минуту, я попробовал объясниться, но членораздельно заговорить у меня так и не получилось, – слова все выплывали из моей власти сумбурной заглушаемой струёй, мне что-то мешало, какие-то посторонние предложения в голове!.. Тётушка в это время уселась со мной рядом, ласково притянув и окутав мою озадаченную голову рукой; а затем приобняв за плечи.

– Бог мой, Йозеф, как же ты меня напугал, мой мальчик!.. – негромко и с волнением в голосе, сказала она. – Тебя что-то испугало? Могу тебе постелить в зале, если хочешь.

И я подумал: таким именем меня ещё никто никогда не называл (но мне понравилось; стало уютно в самом себе). Однако сейчас в моей голове кружились письма, лежавшие в комнате на столе и поэтому сконцентрироваться, и дать тётушке ответ у меня так и не вышло.

– Да не-ет… Все в полном порядке, и комната… Но-о все так, словно там кто-то жил… Ваш сын?

Она резко вздрогнула на последнем слове, медленно и горестно склонив голову при тихом вздохе.

– Да, но два года назад… – сказала она с запинкой и заметным напряжением.

Она помнила. Но с её напряжением у меня никак в голове не укладывалось, что мальчика уже нет; можно сказать, загадка все ещё оставалась.

– А сколько ему было тогда лет, если могу спросить, – решился уточнить я.

– Ну, конечно же… Он был твоего возраста. Вы с ним очень похожи… – отвечала она, покраснев от удержания сантиментов.

Я задумался; в результате мне на ум пришла картинка, как птенец выпадает из гнёзда; это воображаемое действие в голове постоянно набирало обороты, возобновляясь с места падения. Я все старался совладать с мыслями. После этого, на мой несчастный ум наложился человеческий образ *матери* птенца – тётушки Коралины, не успевшей опомниться от случившегося несчастья.

Я даже сам не заметил как, склонив голову, «завис» в раздумьях на минуту; когда мысли удалось побороть, я уже тогда ощутил на себе тётину доброжелательную и давно смирившуюся улыбку, и следом поднял глаза.

– Пей, пей, дорогой, – заботливо напомнила она о чае, – вода уже, стало быть, нагрелась, можешь потом пойти обмыться.

Так между нами устанавливалась какая-то связь. Было неясное ощущение, будто бы она увидела во мне надежду. Пока я возобновлял в себе силы от поющих брызгов воды из ковшика, – и это время было одним из самых лучших за весь день! – тётушка довольно быстро умудрилась привести в уют мою пыльную комнату. Спал я с открытой настежь дверью, включённым ночником и окном на «проветривании». Ветви яблони бились о моё окно; я лежал рядом с ним и это звучание создало для меня невидимую изоляцию от страха осознания реальности. Меня убаюкала эта симфония ветвей и ветра, теперь мягко поглаживающих окно. Уснул я быстро и спал крепко.

Глава 2: В Школу?

Похороны должны были пройти уже через несколько дней, но тётушка Коралина сказала, чтобы я не беспокоился и что она сама сходит на них, – она мне пояснила, что является близкой родственницей моей мамы по бабушкиной линии, и, соответственно, бабушки. Недолго раздумывая, она мне радостно сообщила, что денег в семье достаточно, чтобы я опять пошёл в школу. Причём мне показалось, выразить своё нежелание – оголив свою больную сторону этого предложения – значило бы поставить под вопрос её стабильное ко мне, добродушное расположение. Таким образом, я просидел в комнате со скрипучим нежеланием обдумывать эту дилемму. На душе, тихим маршем – затем все громче и отчётливее – маршировала осень, несущая прошлое одиночество школьных лет. Завтра я должен буду отправиться на учёбу… и всё потому, что я просто боюсь нарушить установленные отношения с тётей. Мне всегда было боязно смотреть, как кто-то меняется во взгляде, когда я высказываю свою точку зрения. Поэтому я покорно ожидал судного грома школьных колоколов.

В результате я досидел в комнате с выключенным светом до темноты. Во мне прогрессировало отчаянное желание высказаться, ведь проблема, – и я это понимал, – действительно была; но я не знал достаточно хорошо тётушкиного характера, чтобы хотя бы просто *начать* с ней – как я сам решил – серьёзный разговор. Прежде же я долго мучил себя воображаемыми *последствиями*; неожиданными *поворотами* разговора.

Я вновь ощутил себя изолированным от общества, в скорлупе своих страхов и проблем, – одним словом – одиночкой. Какое кому дело до меня, когда все твердят о банальной обеспеченности в будущем, хотя на самом деле каждый занят только собой и своими проблемами. Кому охота возиться с неизвестным мальчиком?.. Отчаявшись и определивши своё одинокое существование в защитную обособленность, я, в победоносной решительности, надумал нагрянуть в кухню. Вышел из комнаты в воодушевлённом устремлении; сердце отчаянно рвалось из моей груди; весь вспотел; но мой голос, можно было подумать, смог бы лишь угодливо мурлыкать от перенапряжения и волнения, объявившегося в шаге от кухни.

– Тётя, – начал было я, налетев и окружив её «юлой», – присядьте, мне нужно с вами обсудить, – продолжал я уже преломившимся голосом, предвидящим тяжёлую тему.

И вдруг мне абсолютно перехотелось что-либо обсуждать; я уже не рад был своему рвению…

– О, дорогуша, если тебе что-то необходимо для занятий, я подумала, можешь порыться в ящиках стола!.. – предложила она мне любезно и учтиво, при этом, всё же, взглянув на меня с болью в глазах.

И только она захотела, было, развернуться обратно к плите, как я мягко придержал её за руку.

– Но, тётя Коралина, я не могу в школу пойти!.. – еле вымолвил я, уже не надеясь её адекватной реакции.

– Так, так, так, дорогой мой… Может, стоит поговорить? – ответила она явно обеспокоенно, кладя сверху на мою руку свою и подхватив её длинными мягкими пальцами у ладони.

Моё сердце зашлось выбивать безобразный ритм по рёбрам; я боялся поднять на тётю глаза, чтобы не взглянуть в «её», которые, согласно моему пониманию, должны были измениться до неузнаваемости.

– Ну-у-у не-е-ет… Просто мне бабушка сама говорила, что школа… – пролепетал я, но не успев досказать, тётя переиначила и продолжила «мою» мысль:

– Конечно же, будет служить развитию твоей личности, Йозеф, – убеждённо кивая, докончила она. – К тому же школа эта особенная, тебе там будет хорошо… Ты ведь раньше, насколько я знаю по рассказам твоей бабули, *тоже* туда ходил? Я бы сейчас, будь на твоём

месте, беззаботно вернулась бы в свои школьные годы, а так – это детский лепет. Ты пока ещё не знал трудностей, сынок!.. – убеждённо сказала она и вновь поникла.

«Но я *знал*! – перебил её я, но, изначально, в своих мыслях, так неаккуратно вырвавшихся наружу бурчанием под нос (но, по-честному, для меня всегда трудностью являлось *взаимодействие* и *общение с людьми*)».

– Что ты сказал? Знал? – недоуменно опомнилась она.

– Знал! – повторил я увереннее и раздражённее.

*Я, **м**альчик*, посмел перечить её взрослой невидящей мудрости, и в тот же момент моё сердце съёжилось. Теперь, словесный барьер между нами – по моему ощущению – был снят абсолютно и окончательно, что настораживало мыслью о полной беззащитности перед ней.

Я же утешал себя мыслью: «Самыми успешными становятся не глотающие пачками книжки и тихо существующие, а те, кто полны энергии противодействовать *в свою угоду*: хитростью; ловкостью; задиристостью. Я же находился в „первых“ из описанных, – и этим гордился! – а вторые, своей уверенной ловкостью, лихо выбивали, и, кажется, продолжат выбивать мной высиженные знания; потом я, униженный, сидел и, видимо, буду сидеть и слушать, как кто-то из этой „банды“ тянет руку, и выкрикивает мои ответы. Когда, – по своему опыту, – ты отличаешься, тебя сторонятся и с удовольствием игнорируют, не минуя унижением и твою личность».

– А ты будь пообщительней, поактивней, ведь ты же идёшь за знаниями, – словно читая мои мысли, продолжила она.

– Теть, да как я только не пробовал!.. – грустно сказал я, умышленно добиваясь её расположения к моей проблеме. – Но видимо я все равно чем-то от них отличаюсь… И я туда не вернусь! Это позорно! – тоном плаксивого моления заверил я.

В свою очередь, на её лице читалась недоверчивость и ухмыляющаяся непроницаемость. Она строго сторонилась своего мнения, безо всяких поблажек для меня. Во мне что-то перещелкнуло. Она будто бы не хотела слышать меня; словно в кривом искажении моей настоящей сложности, до неё доходили лишь мои «заученные» детские страхи… Тётя была убеждена, что отношение сверстников ко мне – лишь причина моего «максимализма восприятия»; я же, наряду со своими одногодками, воспринимал это все как нельзя трагически, так как границы «взрослого восприятия» ещё не переступал.

С тех пор я покорно ходил в школу, и, – как я и ожидал! – одноклассники с удовольствием приняли меня в свои «лапы». Первый месяц я старался ничем не выделяться, сливаясь с окружающими, но уже сформированное обо мне мнение, этим лишь усугубляло «отношение» ко мне, способствуя ещё большей изоляции. Я уже был изгнан ими, задолго до моего возвращения в школу. Но это лишь повторно доказывало, что я сам себя ощущал «другим», избрав себе «обходной» путь. Друзей у меня вовсе не было, и большую часть времени я находил радость в общении и соприкосновении с природой; наблюдением издалека за радостью стадного инстинкта возвращающихся домой, школьников.

Конечно же, была ещё одна небольшая группка изгнанников-заучек, но которые все же оставались «при реальности», тогда как я оставался в «своём мире». Временами я прибивался к их компании, – в моменты холодного отчуждения или унижения меня группой одноклассников, – хотя, даже в такие моменты, их кружок «доверенных» не размыкался передо мной руками поддержки. В результате чего я и их стал избегать. Я испробовал многие способы самозащиты, но неприязнь меня, видимо, была неизбежной. А я просто жил по понятиям и порядкам своего фантастического мира и именно эта непонятная отстраненность выводила их.

При всём при этом, стоило мне дать отпор, зачастую словесный, как они мигом терялись, – не зная характера моих дальнейших действий, – и замолкали. Будь каждый из них одиночкой, я бы запросто их «сделал»; но толпа – лишь мысли о ней – наводила на меня необузданный страх!.. В поисках спасения, я бился под их влиятельными и жестокими выкри-

киваниями, – как птица, скованная клеткой. Каждый новый день я терпел на последнем «вдохе», но все же *я верил, что когда-нибудь, я «расправлю крылья» и воспарю над их «посредственной приземленностью»*.

Со временем и в тётушке объявилась неопределённая неприязнь ко мне – как я думал – потому, что я ни каплей не походил на её сына… А, может, и потому, что я неестественно угодливо *слушался* её, тогда как её сын, вероятно, не был таким беспрекословным. Стальная цепь моих тянущихся дней, сковавших мои руки и ноги, была беспросветной каторгой, и по возвращении домой, легче не становилось. Каждый день тётушка «выносила» моё самоуважение; попытайся я прекословить, как она бы мигом мне напомнила, где бы я сейчас находился без её доброты и человечности.

Зима наступила так неожиданно, что мне пришлось напяливать костюм тётушкиного сына, который оказался заметно шире моего размера, да и длиннее, лучше не скажешь – шарпей с шаркающей походкой. По дороге в школу и при нахождении в её холодных «тюремных» стенах, мои глаза непроизвольно испускали слезливость; с возвращением домой они становились куда более чувствительными к любому веянию слабого ветра и мелких пылинок, им разносимых. Но одноклассники, – кто же, как не они! – очень учтиво подмечали мою невыносимость и удобным моментом её высмеивали, заранее исключив из своего сплочённого круга «единомышленников». Кто-то, потехи ради, подходил ко мне, давал пустые советы, абы развеселить наблюдателей. Случился и такой момент, когда от меня отвернулись все подчистую, даже преподаватели! – вызывающие отвечать на заданные задания, как специально, в числе самых первых и самых «невинных». Если я знал ответ – что зачастую – то терялся, глядя на остальных в единой массе, только этого и добивавшихся. Если мне удавалось выдавить из себя ответ, то куча обсуждающих и насмехающихся перебрасываний «подколками» – от парты к парте – не давали мне спокойно пройти к своей парте, то и дело подставляя подножки и отпуская оплеухи. И никакого просветления на моем слепом рытье «чёрной земли». Кто я такой на этой земле; зачем я такой нужен? А если же я абсолютно бесполезен и другие мне это просто доказывают…

Стоял прохладный вечер ранней весны. В свой единственный выходной я уходил из дому, привидением исследуя нелюдимые улицы, изредка освещаемые тусклой сонностью фонарей. Тем днём ноги вывели меня в сторону моста, от «корней» которого, прямо над ним, высилась гора, ушедшая в долгий сон и обросшая за долгие столетия, множеством мелких и побольше, сильных и не очень, ветвистых крон возвышающихся деревьев, теперь объятых вечерним сумраком, – таких же величественных и могучих, как сама «Хозяйка Гора». Когда я, приближаясь, это осознавал, мои тяжёлые и измученные буднями мысли, покинули мою голову, обретя покой, коим я изначально был одарён Вечностью.

После очередной вылазки в мир природы, я мог назвать свой выходной – удачным. Каждый раз я приходил сюда, как на какое-то важное совещание, только чтобы насытиться силой и спокойствием, по-матерински любяще даваемой мне Горой. По-всякому бывало: порой, я брал с собой подстилку и плед с фонарём, чтобы на дольше удержать нить, связующую меня с ней; могу даже осмелиться сказать, что наряду с *родственной нитью*. Казалось, мы начали с ней отлично друг друга понимать и тогда, чтобы меня ободрить, она устанавливала еле слышимый шорох листьев в своих – воинственно оберегающих её – рядах деревьев-солдат. Тогда я прислушивался. Её спокойствие лилось живительной силой по моей угнетённой душе; и я всегда благодарил её, уходя, а она все так же, едва слышно, благосклонно провожала меня поднятием ветра, – как вроде исходившим из её недр.

После этого я никогда не спешил быстрее вернуться домой. Я брёл по полю, окутанному тишиной ночи; поглаживал длинную сухую траву у просёлочной дороги. Когда же я всё-таки возвращался, переступив порог суетливости приютившего меня дома, мой внутренний покой содрогался, шаг за шагом растворяясь от несправедливой воли судьбы, заключившей

меня здесь… Постоянное тарахтение тарелок; монотонное репение речей телевизора, вечно что-то провозглашающих и к чему-то призывающих, где в зале, при тусклом слабом освещении, на него вечно залипает глава семьи, с оттопыренной от «всеуслышания», губой.

Вся эта вязкая, застоявшаяся рутина, болотом иссушала во мне всю энергию и желание; я запирался в комнате, для того, чтобы за оставшийся час до сна, осведомиться о домашних заданиях на следующий день; но в моей голове начинался шум и хаос, только я целенаправленно садился за это дело. Меня «опускала» и отбивала охоту только *одна мысль*: «Ну и что, что я выучу; меня все равно никто никогда не оценит по заслугам; зато высмеянным и опозоренным – даже против воли – я вполне могу остаться». Так, каждый раз определяя свой удел, я не был в силах продолжать учения; ставил на стол локти; прикрывал от себя свои же слезы и укорял свою безнадёжность: «Бабушка, я хочу к тебе!..» – вскрикивал я, ударяя со всей силы кулаком о стол и вновь припадая к нему головой.

После осушения слёз, полный страха перед будущим днём, – заранее определённым мной как «неудачным», – я выключал светильник, вновь окунаясь в холодную, чужую кровать, сковывающую каждый раз меня холодным потом от повторяющихся ужасных сновидений. Как медленно выжимаемая мочалка, с каждым последующим днём я терял всё больше слов, составлявших – и до того редкое – общение с окружающими. Меньше общался, меньше хотелось – как привычка, пока не начал избегать абсолютно всех. И думал: «Сколько ещё? Как долго терпеть? Я сам себя перестал понимать, да так, что даже в мыслях мой голос перестал звучать разборчиво. Я теряю, но что?.. Наверное – Смысл… Но почему? Потому что слишком много думаю; а от усталости „думать“, мой мозг стал больше додумывать; он перегрелся; усилия напрасны». «Солнце, здравствуй!» – говорил я закату, уходящему в ночь.

Глава 3: «Нечто»

В тот день утро встретило меня бледной и тоскливой краской. Не было сил подняться с кровати. Грохочущий звук за окном, – видимо, строительных работ, – дал мне толчок бодрости и наконец-то я встал; встал как вкопанный. Мысль о сборе в школу не давала мне никакого стимула; да и, вообще, я ощутил какую-то свободу от этой обязанности «посещать»… мне вдруг стало безразлично. Послышался вкрадчивый шум за дверью комнаты. Я задумал защитить себя от налёта тёти, – вечно врывающейся ко мне без стука ровно в 7:30 утра, – и тогда же запер дверь. Шум прекратился; тётя остановилась у двери. Её пронзительный голос как «пила в действии», не заставил себя долго ждать:

– Йозеф! Что за новости? Ты смотрел на время?! – прикрикнула она взволнованно, но сердито, видимо, прислонив щёку к двери, чтобы ухом распознать то, чем я могу быть занят в сей час.

Я простоял как «солдатик», ничего ей не ответив, приговаривая себе одобрения за бездействие. Но уже спустя минуту, мои ноги задребезжали от волнения и напряжения, скованного страхом, – от этого же моего бездействия. Все же я упрямо сдерживал свои слова даже тогда, когда звуки букв рвались обрести свои начальные огласки, вытесняясь с тихими запинками из горла. Эту «несдержанность» я так же быстро сглатывал; моё выбивающее ритм, сердце, тщательно преобразовывало это действие в напеваемую мной, ободрительную песенку. Я сел на кровать, чтобы глядя в окно, слиться душой с просторной голубизной небосвода. Теперь мои посвистывания замедлились из-за моего нарастающего противостояния тете, от которого бросало в дрожь.

– Так! – возобновила свои возмущения тётя. – Если ты сейчас же не отворишь дверь, тебе придётся худо, мальчик, так и знай!

Раздался очень громкий, вламывающийся стук; я не знал, как поступить; деваться тоже было некуда, но и ответить теперь я бы не решился, – зачем мне было себя *добровольно* вести к погибели?.. А так у меня ещё оставалось время озадачить её своим наигранно-плохим состоянием. Я бросился на кровать, в страхе застилая себя с головой простынёю, в ожидании конца родственного терпения – как «конца света». От случившегося волнения, мне и впрямь поплохело, и, кажется, я уснул… а, может, отключился в обмороке.

Проснулся я, судя по насыщенным лучам из окна, уже в полдень. Пылинки безмятежно купались в свете солнечных лучей. Это было первое, мной увиденное; следующее заставило меня судорожно натянуть на себя простынь до самого подбородка: на краю кровати, у моих ног, сидела тётя, наблюдавшая за мной; в её тёмных глазах возгорелся зелёный отблеск сдерживаемой ненависти. Увидев, что я очнулся, она на доли секунды отвернула от меня голову; обернулась от меня всем телом, привстав, и быстро оправив юбку под собой. Затем, повернувшись, она засияла глазами наигранно-любезной добродушности.

– Ну как, ты выспался? А не приснилось ли тебе ненароком, Йозеф, как кто-то тебя звал, срывая связки, стучался в дверь, а потом ещё её выбивал, оставшись без ответа?! Нет?!.. Ну, спи дальше, дорогой, спи!

Пока она «что-то» говорила, меня сильно трусило; и хотя я не осознавал *умом* её «аккуратные» намёки, но все же осознавал, что вина моя неоспорима. Свобода от обязательств то прошла… Мои глаза, будучи от испуга закрытыми, слишком рьяно дёргались из стороны в сторону, уже воображая себе физиономию тёти. Теперь, хорошо напрягшийся лоб, ранее побудивший мои веки плотно зажмуриться – расслабился и я, отпуская всякие догадки, взглянул ей прямо в *глаза*, излучая *своими* – саму невинность и жалобность. Сперва, её хорошо отработанный, суровый взгляд, от неожиданности моей «чистоты», прищурился, явно выискивая какие-нибудь не скрытые зацепки в моих движениях и выражении лица (все такого же «невинного» –

чтобы дать «бой»), но безуспешно (уж чему – чему, но искусству маскировки собственных чувств я научился в достатке, за все свои годы «мучений»/учений).

Убедившись, что тётя бессильна и не станет нападать, я скованно изобразил на лице доверчиво-стеснённую улыбочку в *довершение* выбившую её из толку. Уголки её губ неопределённо падали то вверх, то вниз:

– Я не могу понять, – сказал тётя, возвращаясь к своему естественному тону, – у вас что, разве нет сегодня занятий?

– А… (вздохнув про себя). Их-то? Нету. Уроки отменили, – прощебетал я, отворачиваясь головой к стенке, при скрытии неправды. – Там, кажется, сегодня дезинфекция на всех этажах вроде как… – в край приврал я.

– Ты точно узнал? – спрашивала она, укоряя себя за «ложный налёт».

– Да-а… Сто процентов! Сегодня с утра мне звонила староста, – отрезал я, начав радоваться своей «ловкости» и «хитрости» довременно.

Затем я ей опять (от доли теплившейся правды, отстаивавшей мою независимость) слегка улыбнулся, довольный качественной хитростью. Она рассеяла всякие сомнения, и мне сразу стало очень хорошо, как камень с души упал. Только она шаг за дверь, как я вскочил с кровати, собрал некоторые вещи и, довольный собой, встал напротив окна, приветствуя – с опозданием – солнечный луч, пробивающийся сквозь запылённое окно, ранее хорошо забрызганное дождевой грязью. При выходе из комнаты, с завязанной торбой на плече, я услыхал отдалённое пение охрипшего петуха. Темнота, в которую я ступил за дверью и рыжеватый солнечный свет из зала, последовавший уже со вторым моим шагом, наполнили меня «смутной» надеждой. Проскочив через открытые двери зала (они были следующими, после моей комнаты), я успел заметить, как тётя что-то нервно доказывает дяде, как всегда сидевшему перед телевизором и в безнадёжности глухо шлёпавшему себя по бедру, словно бы каждый раз «опуская руки» что-либо ей доказать. Миновав «поле видимости открытой двери», я довольно странным образом ощутил *притяжение какого-то взгляда*, последовавшего за моим движением. Но этот взгляд не исходил откуда-то определённо, – я ощущал его отовсюду! – словно тот был сконцентрирован именно на мне, прямо за моей спиной!.. Подойдя к порогу, я, естественно, мало разбирался с выбором обуви, – лишь бы побыстрее; хоть что-то. Присев на присядки, чтобы обуться, меня невольно сковал невообразимый страх… Наступила такая тишина, что даже тётя с дядей замолчали; за окном все притихло; я тоже замер. Внезапно, послышался ненормально длительный и охриплый крик петуха, явно «недобравшего» в первом «заходе»; он заглох на половине своей несозвучной и хриплой песни и вся тишина – на улице и дома – слилась…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.